

**Почти четверть века Россия безоговорочно и безропотно следовала в фарватере Запада, шла в русле западного пути развития, стремясь стать частью западного мира. И вот в 2014 году она вошла в клинч с этой цивилизацией, весомым фрагментом которого так хотела стать и вроде бы уже стала**



Фото (с) <http://u-96.livejournal.com>

Положение всё больше становится похожим на железнодорожную катастрофу. Происходящее шокирует и до сих пор ещё плохо поддаётся осознанию, меняет привычную картину мира, но исподволь встаёт вопрос: а что же будет дальше?

Оглядываясь назад, всё больше убеждаешься в неизбежности и предопределённости нынешнего украинского кризиса — удивительным выглядит лишь то, как это украинское государственное образование продержалось так долго, а ткань отношений между Киевом и Москвой не разорвалась раньше. Станным выглядит и то, что Россия столь длительное время следовала прозападным курсом, а Запад (и прежде всего США) при этом не обращал внимания на нарастающий внутри России потенциал для смены этого курса. Спустя годы то, что Америка так долго не подвергала санкциям страну, штампуемую в год по 30 межконтинентальных баллистических ядерных ракет, на эту Америку нацеленных, будет, вероятно, считаться одним из величайших нонсенов в истории.

После крушения СССР Запад счёл своего бывшего противника со столицей в Москве навсегда поверженным и не озаботился тем, чтобы предложить русским какое-либо место в западных структурах безопасности. Впрочем, определённые беспокойства по поводу бывшего противника по холодной войне наши новоявленные «партнёры» всё же испытывали, поэтому решено было окружить главный обломок Советской империи — Россию — территорией НАТО. Так началось пресловутое расширение Североатлантического альянса на восток Европы.

Сейчас очевидно, что именно отсутствие каких-либо предложений со стороны Запада для России по интеграции в общую структуру безопасности, удовлетворяющую хотя бы минимальным запросам и претензиям русских в отношении своих национальных интересов, сыграло роковую роль и отправило Москву, по сути, в самостоятельное плавание. Но что реально Запад мог предложить России и как должна была выглядеть такая общая структура безопасности?

Парадоксально, но первые годы правления считавшегося столь прозападным президента Бориса Ельцина были отмечены действиями в духе самого разнузданного московского империализма. Русские вмешались в конфликты в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии, и это вмешательство подорвало территориальную целостность

новообразованных Грузии и Молдавии и породило целую цепь непризнанных государств, существующих, по сути, под протекторатом Москвы. При русском посредничестве Азербайджан был принужден признать де-факто военные успехи Армении и конституировать существование Нагорно-Карабахской Республики, отхватившей заодно и изрядные куски «чисто» азербайджанских территорий. В Таджикистане вмешательство в гражданский конфликт перешедшей под российскую юрисдикцию 201-й дивизии привело к поражению исламистов в войне. Украине после долгих препирательств было навязано пребывание Черноморского флота и российских баз в Крыму. Система российского военного присутствия охватывала почти все бывшие советские республики, кроме Прибалтики. Концепция «ближнего зарубежья» (то есть откровенной зоны влияния России) при Ельцине была закреплена на официальном уровне. Наконец, последовала необычайно ожесточённая кровавая первая чеченская война под лозунгами борьбы за территориальную целостность уже самой Российской Федерации.

На всё это Запад фактически закрывал глаза, пока сидевший в Кремле Ельцин был гарантом прозападного курса, и гипотетический реванш то ли коммунистов, то ли русских ультраимпериалистов казался немыслимым. Но было ли это основой возможного компромисса? Нет, поскольку в основе западного отношения к ельцинской России была твёрдая уверенность, что русский медведь издыхает и вряд ли когда-нибудь поднимется. Все авансы и притязания Ельцина во внешней политике воспринимались как риторика исключительно для «внутреннего употребления».

При этом и конструктивных предложений по интеграции России в какие-либо реальные структуры безопасности сделано не было. В 1997 первая волна расширения НАТО на восток (за счёт Польши, Чехии, Словакии и Венгрии) подтвердила правильность западной политики: возражения ельцинской России были скорее ритуальными и западный натиск не встречал серьёзного противодействия.

После своего прихода к власти в 1999 году Владимир Путин предпринял попытки добиться формализации и координации своих отношений с Западом, предлагая, по сути, широкомасштабную интеграцию России в западное сообщество в обмен на хотя бы частичное признание сугубо национальных интересов России, в том числе и в области безопасности, и в сфере влияния. Здесь очень кстати произошли события 11 сентября 2001 года, когда Россия формально как бы стала союзником США в борьбе с терроризмом. Первые годы путинского правления были отмечены однозначно прозападной политикой: были свёрнуты российские военные объекты на Кубе и во Вьетнаме, Путин активно старался инкорпорировать страну во все международные (а по сути — руководимые Западом) институты и организации, путинская элита активно превращалась в Global Russians.

Но именно стабилизация внутреннего и внешнего положения России в сочетании с антуражем Путина как «ставленника КГБ» привела к тому, что Запад стал проявлять недовольство Москвой как слишком окрепшим и подозрительным в смысле лояльности партнёром. Активизация односторонних действий США (апофеозом чего стали военные действия против Югославии и Ирака) и продолжающееся расширение НАТО способствовали тому, что политика Запада в отношении России стала приобретать всё более жёсткий и ограничительный характер. Москве расставляли флажки, при этом, по существу, не предлагая ничего взамен. Активное участие Запада в первом украинском майдане 2004 года, приведшем к «оранжевой революции», обозначило и тенденцию к более активному вмешательству западных государств в дела стран постсоветского пространства со стремлением максимально ослабить влияние России и здесь. Недовольство Путина таким характером отношений впервые ярко проявилось в мюнхенской речи в 2007 году, но снова было воспринято на Западе как «старорежимная» риторика, от которой можно отмахнуться.

В основе западного взгляда на Россию 20 лет лежало представление, что русским всё равно некуда деваться и что русские всё равно «не посмеют», не решатся на какие-либо серьёзные действия, противоречащие западным интересам.

Первым сигналом, свидетельствующим о кризисе в отношениях между Россией и Западом, стали события в Южной Осетии в августе 2008 года, когда русские впервые за долгое время посмели дать сдачи. Однако и это было воспринято в Вашингтоне как некая досадная случайность, тем более что грузины «первые начали».

Тем временем отношения России и Запада в области безопасности ухудшались — поезда шли навстречу друг другу, столкновение было неизбежно. Важной вехой на этом пути стало возвращение Владимира Путина в Кремль в мае 2012 года: на Западе, опасаясь пожизненной пролонгации правления неудобного для них политического руководителя России, негативно отнеслись к тому, что российский лидер вновь занял президентское кресло. Ответом стало раскручивание «дела Магнитского», которое фактически спровоцировало первую волну санкций против Путина и его окружения. Резко начала набирать ход кампания по поводу ущемления прав и свобод, а также распространения коррупции в России (тем более что здесь и впрямь было что сказать). К концу 2013 года из Путина и России в целом западные СМИ стали откровенно лепить «изгоев», пропагандировать идею бойкота зимней Олимпиады 2014 года в Сочи. Учитывая тот факт, что Путин поставил на сочинский мегапроект и собственный, и государственный престиж, отношение Запада к грядущей Олимпиаде, а также её игнорирование некоторыми западными лидерами стало откровенным плевком в лицо

Москвы.

На этом воодушевляющем фоне на Украине грянул новый майдан.

II.

Разумеется, майдан 2013–2014 годов не имел ничего общего с «общенародным свержением коррумпированного режима Януковича» — кем бы Янукович ни был на самом деле. Механизмом обоих украинских майданов (и первого 2004 года, и второго десять лет спустя) было стремление более пассионарных в национальном отношении Центра и Запада Украины насильственным путём свергнуть доминирующих во власти представителей Востока Украины, поскольку практически на всех выборах более многочисленный Восток «переголосовывал» Западную часть страны. В результате у представителей «украинства» не оставалось иного выхода, кроме как пытаться изменить баланс власти на Украине революционным путём. Таким образом, изначально майданы представляли собой откровенно антидемократические по своей сути движения (в политологическом смысле близкие к движению «жёлтых» в Таиланде), нацеленные на узурпацию власти активным меньшинством и навязывание этим меньшинством своей воли остальной стране. Естественно, после захвата власти «западенско-киевская» меньшая часть старается закрепить новый порядок, принимая меры по ограничению влияния «восточных» и по насильственной украинизации.

Украинский президент был свергнут людьми, которые за него никогда не голосовали, и в этом смысле последний майдан никоим образом не является следствием какого-то разочарования в Януковиче. Это как если бы члены Партии чаепития и всякого рода аризонские «милиции» съехались в Вашингтон и свергли президента Обаму, выдавая насильственный акт за волю всего американского народа. Неудивительной представляется и реакция тех, кто за Януковича голосовал — жителей Восточной Украины. Дальновидные наблюдатели предсказывали возможность в будущем гражданской войны на Украине ещё после первого Майдана 2004 года.

Так или иначе, победа Майдана 2014 года означала очередной триумф на Украине прозападных и откровенно антирусских сил, активно поддерживаемых и спонсируемых Западом. Соответственно, основной задачей пришедших к власти в результате свержения Януковича «национально ориентированных сил» стало закрепление итогов своей победы на длительное время и создание таких условий для «восточных», при

которых они никак не могли бы вернуть себе власть. В частности, закон о люстрации и о отмене использования русского языка.

Сама по себе антирусская революция на Украине абсолютно неприемлема с точки зрения интересов и престижа России. Поэтому российская правящая элита неизбежно должна была ответить на выпады типа «кто не скачет, тот москаль». Соответственно, неизбежной и явной задачей Москвы было чётко продемонстрировать Украине, что та исчерпала лимит на антирусские революции. Поэтому можно сказать, что мир между Украиной и Россией был разрушен не Путиным, а антимоскальской революцией в Киеве.

С этой точки зрения жёсткие действия России в Крыму, исконной российской территории, были, по-видимому, неизбежными. Однако до сих пор остаётся неясным, отдавали ли себе отчёт люди в Кремле, принимавшие решение о крымской операции, какие долгосрочные и масштабные последствия повлечёт за собой эта акция.

Основной проблемой присоединения Крыма стало то обстоятельство, что при сохранении статуса остальной Украины, аннексия Крыма не улучшала, а в целом ухудшала геостратегическое положение России, делая Украину своим антагонистом. Устранить эту угрозу можно было двумя способами: либо радикально изменив политический курс Украины, либо резко ослабив её тем или иным способом — лучше всего путём её расчленения и присоединения к Российской Федерации русскоязычных областей Юга и Востока Украины, составляющих так называемую Новороссию.

В этих условиях «второй тур» на Украине был неизбежен, тем более что русскоязычное население Юга и Востока Украины с воодушевлением восприняло присоединение Крыма к России.

Понимали ли это в Кремле? Кажется, понимали, потому что и действия группы Игоря Стрелкова в Славянске, и общая координация пророссийских выступлений на Юге и Востоке Украины были невозможны без санкции высших российских властей. Но чего именно хотела Москва на Украине в апреле 2014 года и насколько далеко намеревалась зайти? Это до сих пор остаётся загадкой, и ответ на неё может многое прояснить в украинской трагедии.

Официальные требования Москвы к Киеву, изложенные в известном мартовском заявлении Министерства иностранных дел России, сводились к федерализации Украины и обеспечению прав пророссийских регионов. Теоретически это позволяло нейтрализовать враждебность украинского государства. Однако кто мог гарантировать Москве, что такой внутриукраинский порядок (даже если бы такой порядок и возник) будет соблюдаться? Невозможность таких гарантий делала сценарий расчленения Украины и отделения от неё Новороссии более целесообразным с точки зрения российских интересов.

Однако такое дробление не могло произойти без российского силового вмешательства и без военного прикрытия со стороны России действий пророссийских сепаратистских сил — подобно тому, как это было сделано в Крыму. Именно на такой сценарий рассчитывали и русский Гарибальди — Стрелков, и большинство повстанцев Новороссии.

Однако такой ход событий неизбежно вёл к серьёзной конфронтации с Западом, ошеломлённым стремительной российской аннексией Крыма, а теперь ещё и открывшейся перспективой полного разрушения Украины в качестве краеугольного камня антирусского «санитарного кордона». В этих условиях Москва, по-видимому, оказалась не готовой к решительным действиям на Украине и решила попытаться осуществлять военные действия на Юге и Востоке Украины в основном с помощью «местных» и «засланных» повстанческих сил. Это оказалось крупным просчётом — как теперь очевидно, в Москве переоценили масштабы пророссийской активности в этих регионах Украины и недооценили силу украинского национализма и заинтересованность украинских элит в сохранении «самостийности» и своего места в ней. В результате отказа России от силового прикрытия восстания на Украине руки у Киева оказались развязанными, на Востоке страны разразилась кровавая гражданская война, день ото дня набирающая обороты и обрекающая Россию на вовлечённость в эти трагические события.

III.

Принятое 24 апреля 2014 года решение Совета безопасности России отказаться от ввода войск на Украину в поддержку восстания в Новороссии предопределило крайне невыгодное для Москвы развитие украинского кризиса. Совершенно ясно, что российское военное вторжение на Украину в апреле-мае неизбежно привело бы к стремительному крушению украинского государства в его нынешнем виде и поражению чахлах украинских вооружённых сил. Это дало бы возможность кардинально решить

«украинский вопрос», отделив от Украины русскоговорящие области и обратив оставшуюся Украину во второразрядное государство, неспособное серьёзно угрожать российским интересам.

Предпринятое Москвой маневрирование с целью избежать западных санкций не дало результата. Как и следовало ожидать, санкции всё равно последовали. Российская же внешняя политика с момента отказа от «прямых действий» на Украине оказалась в результате ввергнута в кризис: Россия несла все издержки «агрессии» (от расходования значительных ресурсов на поддержку донбасских повстанцев до западных санкций), не получая при этом никаких дивидендов, и в течение последнего полугодия ситуация только ухудшалась. Символическим и в какой-то мере закономерным апофеозом такой российской внешней политики стало крушение малайзийского Боинга-777 МН17 — событие вне пределов компетенции и ответственности Москвы, но за которое Москве таки пришлось нести огромный политический (а по сути, и материальный, ввиду усиления санкций) ущерб.

Самое главное, Россия утратила инициативу, которую прочно удерживала в феврале-апреле, в этой сложной геостратегической игре. Утрата инициативы создавала угрозу поражения. Россия блистательно воспользовалась моментом, бескровно присоединив Крым. На Украине этот момент был упущен.

Как и в случае с недооценкой силы украинского национализма внутри Украины, на внешних фронтах Москва, судя по всему, недоценила степень консолидированности и враждебности Запада по отношению к России. Маневрирование и уступки Кремля убедили западные правительства в эффективности санкций как меры воздействия на Кремль. Не случайно такая масштабная уступка, как отзыв 1 июня Советом Федерации России по запросу Кремля формального разрешения на применение вооружённых сил на Украине, дала обратный эффект, спровоцировав резкий рост агрессивности и Киева, и его западных кураторов.

В самом Донбассе проявление Россией слабости и уступчивости также только обостряло военную обстановку, и в итоге Россия была вынуждена всё глубже втягиваться в конфликт. То, от чего так хотели уйти, стало неизбежностью, вызвав новый приступ западной истерии и враждебности.

Тем не менее поражение украинских войск в конце августа под Иловайском и угроза



Мариуполю внятно и чётко продемонстрировали Киеву, что Россия не допустит поражения повстанцев. Это стало радикальным сдвигом в общей ситуации, поскольку лишило Украину надежды на военную победу в войне на Донбассе: так называемая антитеррористическая операция (АТО) стала бессмысленной кампанией, в которой Киев не может добиться желаемого результата.

Фактически состоялось первое, пусть и ограниченное, принуждение Украины к миру. Остаётся только сожалеть, что таковое принуждение не было осуществлено в самом начале (к чему многие тогда призывали), когда АТО была только объявлена. Это сохранило бы многие жизни, возможно, не произошла бы трагедия с боингом...

Однако и в результате «принуждения» в августе украинский вопрос так и не был решён по существу, очевидным свидетельством чему стали непрекращающиеся военные действия в Донбассе в период объявленного перемирия. Дело даже не в том, что подписанный в сентябре пресловутый Минский протокол не удовлетворяет обе воюющие стороны. Фундаментальной причиной недееспособности Минского протокола является отказ Киева в какой-либо форме признавать повстанцев как субъект переговорного процесса, а такая позиция выводит из строя любой переговорный механизм, ибо нельзя вести переговоры с тем, кто для тебя принципиально не существует. Без разрешения этого вопроса нынешнюю украинскую ситуацию в принципе невозможно сдвинуть с мёртвой точки. А разрешить этот вопрос на войне можно только одним способом — силой.

Поэтому, если не произойдёт чего-либо экстраординарного, новое принуждение Украины к миру в виде крупномасштабной силовой акции представляется весьма вероятным. Именно такая военно-политическая перспектива открывается перед Россией в 2015 году, подобно тому, как присоединение Крыма и гражданская война на Украине были основными тенденциями 2014 года.

#### IV.

Значительной проблемой для России остаётся отсутствие чёткой публично сформулированной позиции по Украине. Идя по тонкому льду всё более усиливающейся конфронтации с Западом, Москва старается максимально скрывать свои планы и намерения, сделав ставку на официальный тезис о своей непричастности к событиям на Украине. Помимо маскировочных соображений подобная осторожность позволяет

держат потенциальных противников в состоянии постоянной неопределённости относительно возможных российских действий и реакций. Однако оборотная сторона этой медали — многие на Западе не понимают мотивов, которые движут Россией, не видят конечных целей российской политики на Украине, не видят пределов воздействия этой политики. Это позволяет Западу вести оголтелую пропаганду о якобы беспредельной российской экспансии и российской угрозе странам Восточной Европы, которые «могут стать следующей целью». Таким образом, избегание Москвой публичного формулирования целей и задач, стоящих перед ней в украинском кризисе, оборачивается для нашей страны стратегическими проблемами.

В силу этого представляется возможным, что Кремль вскоре публично артикулирует набор своих принципиальных требований к Киеву, невыполнение которых будет рассматриваться как стремление нынешнего украинского правительства продолжать перманентную войну на Донбассе и вредить русским национальным интересам — и, соответственно, повлечь действия по принуждению киевских властей к миру. В принципе, российские власти уже начали «вбросы» в этом направлении: достаточно вспомнить недавнее заявление пресс-секретаря российского президента Дмитрия Пескова о необходимости гарантий невступления Украины в НАТО.

Можно предположить, что краткосрочными целями российской политики в отношении Украины и соответствующими официальными требованиями к украинской стороне могут быть:

1. Признание де-факто со стороны Киева Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР) и их властей и проведение прямых переговоров с ними.
2. Отказ Киева от любых военных действий против ДНР и ЛНР, а также от экономической блокады этих территорий. Подписание Украиной мирного соглашения с ДНР и ЛНР.
3. Частичная демобилизация вооружённых сил Украины и отвод значительной их части от линии соприкосновения с ДНР и ЛНР.
4. Отказ Киева от претензий на контроль бывшей российско-украинской границы в

частях, контролируемых ДНР и ЛНР.

5. Признание де-факто Киевом присоединения Крыма к России и отказ от любых форм блокады полуострова, а также допуск беспрепятственного российского транзита в Крым и Приднестровье.

6. Отказ Киева от любых форм экономических санкций, блокады и бойкотов во внешней торговле с Россией.

7. Гарантия Киевом прав русского языка и русскоязычного населения на Украине и обсуждение вопроса о федерализации страны с предоставлением широкого самоуправления частям такой федерации.

8. Отказ Украины от членства в НАТО и участия в любых военно-политических союзах и альянсах, угрожающих национальной безопасности России (причём оценку угроз в данном случае должна осуществлять Москва).

Теоретически в качестве компенсации за это Россия может признать ДНР и ЛНР частями Украины (в случае эффективных действий по федерализации страны) и даже признать территориальную целостность Украины (без Крыма). Также Киеву могут быть предложены различные экономические преференции и скидки и соучастие России в восстановлении Донбасса.

Безусловно, перечисленный набор требований будет с негодованием встречен официальным постмайданным Киевом. Столь же очевидно, что США будут усиленно поддерживать Киев в противодействии данным требованиям Москвы. В этих условиях у России просто не может быть иного выхода, кроме как силой своего оружия положить конец безумной непрерывной донбасской войне. При этом речь может идти именно о принуждении Киева к миру с целью заставить украинские власти принять все вышеперечисленные условия, то есть о достаточно ограниченной по целям и задачам военной акции. Стоит отметить, что приведённые выше теоретические требования не угрожают существованию украинского государства и могут быть направлены скорее на то, чтобы заставить Киев признать уже сложившийся статус-кво и нормализовать отношения с Россией. Таким образом, умеренность и чёткая сформулированность целей

помогут смягчить неизбежные политические проблемы с третьими странами, проблемы, которые будут сопутствовать возможной российской военной акции.

Нынешняя ситуация на Донбассе и на Востоке Украины неприемлема для России не только с точки зрения военно-политических и гуманитарных обстоятельств, но и по национально-стратегическим соображениям. Резкое ухудшение гуманитарной обстановки на Донбассе дискредитирует концепцию «русского мира», не способствует пророссийским настроениям среди жителей Донбасса (которые поддерживали присоединение своих областей к относительно богатой России, а не превращение их в Сталинград), деморализует население других русскоязычных областей Украины, отнюдь не желающих себе подобной участи. Разрушение Донбасса и страдания его жителей наносят колоссальный ущерб образу России на всём постсоветском пространстве. Поэтому для русского дела жизненно важно, как можно скорее положить конец войне на Юго-Востоке Украины и обеспечить мир и покой его населению. Этого парадоксальным образом можно достичь только военными методами: решительным ударом по украинским властям и вооружённым силам, главному препятствию мирного урегулирования ситуации.

V.

Таким образом, решительное наступление вооружённых сил Новороссии (ВСН) при массовой поддержке Вооружённых сил Российской Федерации с целью принуждения киевских властей к миру и заключению реального долговременного мирного соглашения на условиях Москвы представляется весьма вероятным. Если вооружённые силы Украины первыми спровоцируют крупномасштабный конфликт с ВСН, это можно рассматривать как благоприятную возможность (развяжет руки обеим «восточным» сторонам). Судя по нагнетанию на Украине истерической воинственности, вероятность развития событий по такому сценарию весьма высока.

Следует отметить, что оперативно-стратегическая конфигурация развёртывания противоборствующих сил на Востоке Украины остаётся в целом чрезвычайно выгодной для российской стороны. Практически вся боеспособная группировка ВС Украины (ВСУ) сосредоточена вокруг Луганска и Донецка (а также Мариуполя) с открытыми вонне тылами, при этом сил для прикрытия остальной части российско-украинской границы и крупнейших административных центров (Киева и Харькова) у украинской стороны практически нет. Так, оборона Харькова осуществляется силами 92-й отдельной механизированной бригады, понесшей тяжёлые потери под Старобешевом в конце августа. Основными силами прикрытия Киева являются формирования 169-го учебного

центра «Десна» украинской армии — то есть, по сути, необстрелянные части.

Эффективные резервы в глубине территории Украины также отсутствуют: резервы представлены лишь несколькими десятками территориальных батальонов из мобилизованного личного состава, плохо оснащённых и вооружённых, а к тому же и малообученных.

Находящиеся на «донбасском фронте» части ВСУ понесли значительные потери в ходе летних боев, утратив значительную часть тяжёлой техники. Техническое состояние уцелевшей техники по большей части низкое ввиду её изношенности и почтенного возраста. Украина вынуждена спешно собирать и ремонтировать некондиционные и устаревшие образцы боевых машин. Неудовлетворительно положение и с автотранспортом.

ВВС Украины, понеся в ходе АТО существенные потери и лишившись немало количества и без того немногочисленных исправных самолётов и вертолётов, практически утратили боеспособность.

Хотя украинское руководство пытается в ускоренном темпе нарастить численность и восстановить боеспособность ВСУ, вряд ли в ближайшие месяцы удастся кардинально изменить ситуацию к лучшему. В то же время ожидаемая новая волна мобилизации на Украине, как и начало поступления из-за рубежа (в первую очередь из США) военной помощи, позволит ВСУ увеличить плотность войск на Донбассе и на российско-украинской границе, а также начать накапливать оперативные резервы. Это может несколько осложнить ход операции по принуждению Киева к миру, но вряд ли принципиально изменит её ход и результаты.

Из вышесказанного следует, что можно осуществить стратегическое окружение основных сил ВСУ на Левобережной Украине, что приведёт к их быстрому поражению. Можно предположить, что если силы ДНР и ЛНР, также усиливающиеся и переформирующиеся в последнее время, будут направлять свои действия главным образом на сковывание украинских ВС на Донбасском фронте, то группировки российских войск будут иметь возможность для охватывающих действий вглубь территории Украины.

Главный из таких ударов может быть нанесён группировкой российских войск из района Ростова-на-Дону, с быстрым выходом на Мариуполь и одновременным разворачиванием на север, в тыл всей донбасской группировки ВСУ. Эта «южная клешня» может быть поддержана ударом из района севернее Луганска. Само по себе быстрое продвижение по тыловым районам украинской группировки потрясёт её до основания.

Одновременно «северная группировка» российских войск может нанести удар через Сумскую и Черниговскую области непосредственно на Киев, с тем чтобы, не входя в столицу Украины, полностью парализовать волю противника к эффективному сопротивлению и заставить его спешно собирать резервы для защиты Киева. Вспомогательный удар может быть нанесён с целью взятия Харькова и продвижения в район Изюма для формирования «северной клешни» с последующим охватом донбасской группировки ВСУ с севера.

При таком развитии событий практически вся боеспособная группировка украинских ВС, сконцентрированная сейчас вокруг Луганска и Донецка, окажется перед перспективой полного окружения и абсолютной катастрофы в течение максимум 48–72 часов. Парировать российский блиц украинской стороне попросту нечем. Вероятнее всего, уже сама перспектива выхода российских войск в тыл ВСУ заставит украинские войска начать стремительный отход за Днепр — отход, который неизбежно превратится в бегство. Можно предположить, что это отступление приведёт к фактическому разгрому основных сил ВСУ. При этом основная масса украинских вооружённых сил неизбежно окажется в котле стратегического окружения к западу от Донецка и Луганска, превратившись в большой лагерь военнопленных. Таким образом, все силы АТО могут быть разгромлены в самое короткое время, что приведёт к быстрому освобождению Донбасса.

Конечными целями продвижения войск в ходе операции могут быть намечены различные рубежи в зависимости от военных и политических обстоятельств и готовности Киева к быстрому согласию на предъявляемые ему условия мира. Тем не менее задачей минимум может выглядеть занятие (совместно с ВСУ) всей территории Луганской и Донецкой областей (включая Мариуполь), выход к Днепру, взятие Харькова и Харьковской области, выход к крымским перешейкам на юге и на подступы к Киеву — на севере. Задачей максимум может быть полное занятие всех восьми предполагаемых областей Новороссии (с продвижением на юге вплоть до Приднестровья) и блокада Киева. С этих позиций и возможно будет диктовать Киеву условия мира.

Соотношение сил, насколько его можно оценить, позволяет российской стороне

осуществить подобную операцию без особых осложнений, тем более что реформированные российские войска качественно значительно превосходят ВСУ (в том числе имеется в виду и наличие более нового и современного вооружения). Численность группировки ВС России, которую необходимо будет задействовать на украинской территории, оценочно минимально соответствует группировке, развёрнутой у украинской границы в апреле. Согласно западным сведениям, это восемь отдельных бригад — три мотострелковые, три десантно-штурмовые, одна морской пехоты, одна артиллерийская; четыре полка основными силами из состава воссозданных 2-й гвардейской Таманской мотострелковой и 4-й гвардейской Кантемировской танковой дивизий (три танковых, один мотострелковый); 27 батальонных тактических групп (14 воздушно-десантных, 12 мотострелковых, одна морской пехоты) из состава других отдельных бригад; 13 отрядов специального назначения из состава бригад спецназа; до 10 отдельных артиллерийских дивизионов. Вероятно, силы воздушно-десантных войск могут быть представлены в ещё более значительных количествах (практически полностью), кроме того, подтянутся дополнительные силы нескольких мотострелковых бригад в качестве резерва. К этому нужно приплюсовать силы ВСН, чья численность сейчас оценочно достигает 30 тысяч человек.

Значительная группировка Военно-воздушных сил России и армейской авиации также в случае грамотного применения сможет стать весомой составляющей «украинской операции», обеспечить радикальное превосходства российской группировки над ВС Украины.

VI.

Основным сковывающим фактором широкого вовлечения Вооружённых сил России в конфликт на Украине до настоящего времени была позиция Запада. Однако нынешнее разрушение отношений с Европой и США развязывает нам руки.

Теперь уже окончательно ясно, что долгосрочной целью западных правительств, при введении санкций против России, является не принуждение Москвы к сдержанности в отношении Украины, а дестабилизация страны и в идеале свержение Владимира Путина и смена режима. Именно поэтому западные страны так активно поддерживали киевскую АТО летом 2014 года — тогда Киев и западные столицы объединяла иллюзия возможности решения проблемы ДНР и ЛНР военным путём. Военный разгром Новороссии стал бы для России и лично Путина колоссальным политическим поражением — и Запад не собирался упустить свой шанс.

После того как в конце августа Киев лишился перспектив военной победы, наши западные «партнёры» взяли курс на длительную осаду и изоляцию Путина, используется и тактика военного нажима на повстанцев (несмотря на Минское перемирие). В свете избранной западной тактики дальнейшее усиление санкций выглядит практически неизбежным.

При этом показательно, что Запад не озвучивает внятных условий возможного ослабления или снятия введённых ограничительных мер. Совершенно ясно, что это сознательная тактика и что, если вдруг Кремль начнёт отступать на Украине, шантаж санкциями всё равно продолжится, Запад будет выдвигать всё новые и новые требования с целью выжать максимум из ситуации, потребует сдачи сперва Новороссии, а затем и Крыма. Но главная цель, повторим, дестабилизация путинского режима и максимальное ослабление России в целом (особенно наглядно это просматривается в позиции США). Таким образом, любое отступление для Кремля практически невозможно — как невозможно и сохранение статус-кво на Донбассе (в том числе ввиду нажима Запада).

Складывающаяся сейчас ситуация во многом похожа на положение в марте-апреле-мае. Как и тогда, перед Москвой вновь открывается перспектива возможности жёстким силовым вмешательством принудить Киев к миру. Применение русской военной силы весной позволило бы избежать кровавой и в общем-то бессмысленной донбасской войны. Применение русской военной силы в ближайшей перспективе может эту бессмысленную донбасскую войну прекратить. Весной тщетное стремление Москвы уйти от западных санкций привело к развязыванию Украиной войны на Донбассе и в конечном счете к введению тех самых санкций. История может повториться.

Украинский кризис во многом предопределён позицией Запада и его сложившимся мнением о России. Как и ранее, в основе этого взгляда лежит полное непризнание за Россией каких-либо прав, интересов и озабоченностей в отношении обеспечения своей безопасности. Любые действия России по отношению к Украине не имеют никакого значения — позиция России в отношении Украины и русских интересов на Украине (а также расширения и усиления военного присутствия НАТО) игнорировалась бы в любом случае, даже если бы Крым остался под контролем Киева и не пролилось бы ни капли крови.

Поэтому само по себе любое потенциальное радикальное изменение позиции России по



## **Принуждение к миру-2: ближайшая перспектива России на Украине**

Автор: Михаил Барабанов

19.01.2015 21:14 - Обновлено 19.01.2015 21:17

---

вопросу Украины выглядит бессмысленным — никакие жесты доброй воли не будут оценены нашими «бледнолицыми партнёрами». Перспективно в долгосрочном плане переломить ситуацию на Украине в свою пользу. Только это может заставить Киев пойти навстречу русским требованиям, разорвать связь между Киевом и западными столицами и в конечном счете привести к переговорам и обеспечить мир на Донбассе. Только это может заставить считаться с мнением Москвы, сейчас откровенно игнорируемым.

**Деловой и политический журнал «Однако»**

**Декабрь-январь 2014-2015**